

пора уже пересмотреть такой подход к проблеме стихийности как неисторический. Ведь в то время, когда главной задачей нашей борьбы было низвержение эксплуататорского строя, стихийный революционный порыв, охвативший широчайшие народные массы, был мощной силой, которую партия большевиков повела на штурм старого мира. И этот стихийный революционный порыв, нашедший выражение и в литературе 20-х годов, обусловил отнюдь не только ее слабые, но и ее сильные стороны. Он выдвинул в качестве ее главного героя восставший народ. И когда мы говорим о том новом, что внесла советская литература 20-х годов в мировую литературу, мы останавливаемся прежде всего на изображении народа как решающей и победоносной исторической силы в революционной борьбе. Взрыв революционной народной стихии во многом определил и стиль литературы 20-х годов — стремительный, приподнятый, романтический.

Многое в стилистических особенностях этой литературы было результатом неопытности и небрежности первых советских писателей, многое определялось влиянием формалистических школок того времени, — многое, но не основное. Н. Яновский правильно говорит о том, что в рассказах Вс. Иванова можно найти и областничество, и орнаментализм, и приемы острания, но главное не в этом. Главное — в патетике, приподнятости, естественности и, одновременно, цветистости, броскости и пышности красок, составляющих особый романтический стиль эпохи революции и гражданской войны, который запечатлелся в книгах Вс. Иванова и других писателей этого времени. Однако, сумев увидеть особенности этого стиля и констатировать его связь с эпохой, критик все же не смог дать этим особенностям исторического объяснения. Известно, что существуют не только идеи времени, но и формы времени. Психологически убедительно говорит о формах 20-х годов Лидия Сейфуллина. «Меня спрашивали, — писала она, — почему наша проза такая рубленая, короткая проза, почему у нас много неправильных оборотов, почему наш язык засорен провинциализмами и т. д. Я объяснила это тем, что каждое произведение носит на себе дыхание, темпы своей эпохи, размер шага этой самой эпохи. Мы писали в период гражданской войны, жизнь была тороплива, как торопливо дыхание на бегу у людей, и та проза соответствовала своему назначению, она тогда не раздражала. Произведения, написанные о том периоде этой рубленой прозой, оправданы.

Но в дальнейшем, когда дыхание эпохи стало другое и когда у нас самих явился некоторый литературный навык, когда мы можем это дыхание контролировать, чтобы не впадать в безграмотность, в безвкусицу, у советских писателей меняется ритм, у всех у них становится проще фразы, понятнее, сюжет яснее, свет и тени располагаются закономернее».

Нам кажется, что это высказывание Л. Сейфуллиной может помочь исследователю объяснить особенности стиля 20-х годов и, в частности, особенности стиля Вс. Иванова. При этом нельзя забывать о том, что этому стилю были присущи довольно острые противоречия. С одной стороны — стремление к точности и выразительности словесного образа, а с другой — сложность и изысканность метафор и сравнений, запутанность и хаотичность композиции. Н. Яновский правильно отмечает, что эти противоречия были частью общих противоречий творчества Вс. Иванова 20-х годов, в котором правдивые и яркие картины гражданской войны, проникнутые революционно-патриотическим пафосом, идеями проле-

тарского гуманизма и интернационализма, перемежались с натуралистическим изображением торжества стихийных биологических начал в человеке, с мотивами бессмысленности человеческой жизни и т. д.

Откуда же эти противоречия? Критик подходит к их объяснению, говоря, что в творчестве Вс. Иванова отразились сильные и слабые стороны революционного крестьянства. Однако он совершает ошибку, заостряя внимание лишь на идейных срывах, характерных для творчества Вс. Иванова в годы нэпа. Эволюция писателя изображается критиком так: сначала в творчестве Вс. Иванова был подъем, вызванный революционно-патриотическим подъемом крестьянства в период гражданской войны, а потом наступил спад, вызванный сомнениями и колебаниями части крестьянских масс в период нэпа. Эти сомнения и колебания были раздуты защитниками аполитичного искусства; вскоре появились «Тайное тайных», «Особняк», «Барабанщики и фокусники Матцуками» и «Михаил — серебряная дверь». После этого в творчестве Вс. Иванова происходит перелом — он пишет пьесе «Бронепоезд 14—69».

Хотя обострение противоречий в творчестве Вс. Иванова в годы нэпа — бесспорный факт, все же такая картина его эволюции не верна. Прежде всего она не верна фактически, исторически. Пьеса «Бронепоезд 14—69», знаменующая новый подъем писателя, была создана в 1927 году, а повести «Особняк» и «Михаил — серебряная дверь», то есть наиболее упадочные его произведения, появились уже после — в 1928 и 1929 годах.

Далее встает вопрос, чем же объяснить рост мастерства Вс. Иванова в те годы, которые критик считает годами идейного упадка писателя. Стараясь дать ответ на этот вопрос, Н. Яновский впадает в довольно путаные, а иногда и грубо ошибочные рассуждения об отношении мастерства к идейности, о методе и мировоззрении. Декларируя огромную роль передового мировоззрения и правильно утверждая, что мастерство проявляется прежде всего в глубоком проникновении в сущность изображаемых явлений, критик заявляет потом, что ложные идеи не окончательно обесценивают произведения, что можно не проникать в сущность явлений и оставаться все же мастером. При оценке художников с реакционной идеологией, говорит он, «речь может идти о сравнительной степени художественности их произведений». А поэтому мы не должны отвергать в художественном творчестве «все то, что чуждо нам в идейном отношении». Выходит, что не надо отвергать и тех упадочных произведений Вс. Иванова, которые мы только что назвали, а нужно оценивать их по «сравнительной степени их художественности».

Совершенно очевидно, что Н. Яновский отрывает по существу мастерство от мировоззрения, противопоставляет мастерство мировоззрению. Хотя вопрос о методе и мировоззрении требует еще дальнейшей разработки в нашем литературоведении, ошибки Н. Яновского в данном случае являются его личными ошибками, и состоят они в том, что он отождествляет мировоззрение с политическими взглядами и игнорирует противоречия в мировоззрении крупных художников прошлого, исповедовавших реакционные идеи. Задача исследователя — выяснить, что в мировоззрении писателя является здоровым, передовым, помогающим ему понять и отобразить существенные стороны и закономерности действительности, и что в его мировоззрении мешает этому, заставляет его исказить действительность в угоду идеям ложным и реакционным.